

Генерал-губернатор Сицзяна Чжао Вэнь мог лишь беспомощно смотреть, как Бай Шу по приказу Хан Сиэня уводит столичных гвардейцев в глубь его личных покоев. Он порывался их остановить, но силы оставили его. Стоило фигурам скрыться из виду, как Чжао Вэнь окончательно поник, а лицо его сделалось серым, точно у мертвеца.

Глядя на него, Цзи Хуай укрепился в своей догадке — дикой, но вполне очевидной. Наложница-чужестранка, должно быть, носила под сердцем ребенка, раз уж Чжао Вэнь так отчаянно пытался скрыть ее присутствие. От этой мысли пятый принц невольно покосился на Хан Сиэня. Много ли в Поднебесной людей, способных на такую неслыханную дерзость? Без единой улики на руках, не колеблясь ни секунды, прижать к ногтю чиновника первого ранга и велеть перевернуть вверх дном его личные покои!

Если Император сочтет это самоуправством, кто сможет выстоять под грузом монаршего гнева и подозрений? Из-за бесконечных сомнений и оглядок на приличия многие очевидные истины так и ускользают из-под самого носа.

В эту минуту Цзи Хуай ощутил горькую самоиронию. Ведь случись ему оказаться на месте Хан Сиэня, он бы, даже при самых сильных подозрениях, ни за что не решился вот так, очертя голову, устроить обыск в доме генерал-губернатора.

Он испугался бы собственной ошибки, испугался бы последствия. Пятый принц уставился на Хан Сиэня, силясь разгадать его мотивы.

«Неужели этот безумец ни капли не сомневается в своей правоте? Неужто он слепо поверил чуткому слуху Бай Шу? А если бы тот ошибся, что тогда? Как бы Хан Сиэнь выкручивался? И как поступил бы Император?»

Неужели действительно пришлось бы расплачиваться головой за ошибку? На мгновение Цзи Хуай растерялся, поймав себя на двойственном чувстве. Он и сам не понимал, чего желает больше: чтобы Хан Сиэнь жестоко просчитался или чтобы он все-таки нашел неопровержимые улики против Чжао Вэня.

Хан Сиэнь, улавливая эти смятенные мысли, лишь мысленно вздохнул. Пятый принц определенно усложнял всё на ровном месте. Даже если они найдут наложницу, Император вряд ли расщедрит на награду — скорее всего, просто сочтет, что Хан Сиэнь искупил былые прегрешения. Что же касается ошибки... Ошибиться он попросту не мог.

В конце концов, у него имелся его уникальный дар — сила, за которую он заплатил непомерно дорогую цену при перерождении в этом чуждом мире. Если бы он не умел видеть людей насквозь, то, возможно, вел бы себя осмотрительнее. Но раз уж инструмент был в его руках, глупо им не пользоваться.

Бай Шу вернулся на удивление быстро. Следом за ним шла женщина. Это была сижунка поразительной красоты, облаченная в традиционные одежды своего народа. В мягких чертах ее лица читалась затаенная грусть, а раскосые чужеземные глаза с тихой тревогой разглядывали собравшихся. Здесь, в резиденции генерал-губернатора Великой Чжоу, она казалась существом из иного мира.

Впрочем, на фоне заморских безделушек, которыми Чжао Вэнь так щедро украсил свои покои, она смотрелась весьма гармонично.

С ее появлением все сразу поняли, почему генерал-губернатор так помертвел лицом. Свободный крой ее платья не мог скрыть заметно округлившийся живот. Женщина была на сносях.

Цзи Хуай, убедившись, что его худшие подозрения оправдались, тихо выдохнул. Дело сделано, отступать некуда. Теперь ему оставалось лишь молча наблюдать за тем, как будет разворачиваться эта драма.

Хан Сиэнь сидел неподвижно, лишь его пальцы размеренно постукивали по лакированному дереву столешницы. Этот глухой, монотонный звук давил на виски, заставляя сердца присутствующих сжиматься в тревожном ожидании.

Сижунка быстро оценила обстановку и опустилась на колени перед Хан Сиэнем — единственным, кто сидел с видом полноправного хозяина положения. На ломаном, едва понятном языке Чжоу, отчаянно жестикулируя, она принялась лепетать, что ребенок ни в чем не виноват, и умоляла пощадить ее дитя.

Слезы ручьями катились по ее щекам, а ладони инстинктивно прижимались к животу, оберегая самое дорогое сокровище.

Чжао Вэнь беззвучно зашевелил губами, силясь что-то выкрикнуть. Хан Сиэнь перестал постукивать по столу, перевел на него ледяной взор и небрежно бросил:

— Освободите его.

Бай Шу шагнул вперед и точным ударом пальцев освободил заблокированные точки на теле Чжао Вэня, возвращая тому дар речи и способность двигаться.

Никто не ожидал того, что произошло дальше. Едва обретя подвижность, Чжао Вэнь, преодолевая острую боль в руке, шагнул вперед и со всего размаху влепил женщине сокрушительную пощечину. От удара голова несчастной дернулась в сторону, а нежная кожа щеки мгновенно вспухла багровым пятном. Прижав ладонь к лицу, она медленно повернулась к Чжао Вэню. В ее широко распахнутых глазах застыли ужас и полное недоверие.

Генерал-губернатор уже замахнулся для нового удара, но Бай Шу вовремя вырос перед ним живым щитом, преграждая путь.

Чжао Вэнь покачнулся и попятился. Не смея встретиться взглядом с Бай Шу, он трусливо отвел глаза и яростно ткнул пальцем в сторону плачущей женщины:

— Дрянью неблагодарная! Явилась в Великую Чжоу, плакалась, что сирота круглая, умоляла о куске хлеба! Моя супруга сжалилась над тобой, взяла в дом служанкой, а ты, бесстыжая тварь, отплатила черной неблагодарностью! С кем ты спуталась, чей это ублюдок под сердцем носишь? Говори, тварь, не то я лично забью тебя до смерти прямо здесь!

Никто в зале не ожидал от высокопоставленного чиновника столь глубокой низости и лицемерия. Хотя сижунка плохо владела языком Чжоу, суть его гнусных обвинений она уловила сразу. Дрожа всем телом, она отчаянно закрутила головой. Слезы градом катились из ее глаз, она пыталась оправдаться, но от ужаса и потрясения из ее горла вырывались лишь судорожные, немые рыдания.

В конце концов несчастная припала к полу, иступленно бясь лбом о холодные плиты перед своим мучителем.

Чжао Вэнь брезгливо отвернулся, взмахнув широким рукавом, и посмотрел на Хан Сиэня. Лицо его теперь выражало глубокую скорбь истинного праведника.

— Наследник Хан, признаю, в этом есть и моя вина. Я проявил излишнюю мягкосердечность и не уследил за порядком в собственном доме, допустив подобную грязь. Готов понести за это заслуженное наказание!

Цзи Хуай почувствовал, как этот человек в очередной раз пробил дно подлости. Он сощурился, глядя на изворотливого мерзавца. Свалить всю вину на беззащитную женщину, обвинить ее в распутстве и выставить себя невинной жертвой — такое малодушие вызывало лишь глубокое омерзение.

Хан Сиэнь тихо, вкрадчиво рассмеялся:

— Господин Чжао, вы слишком строги к себе. Вы — верный слуга престола, чиновник первого ранга, назначенный лично Его Величеством. У меня же нет ни императорского указа, ни особых полномочий, чтобы судить вас. Как я смею поднимать руку на столь почтенного мужа?

Чжао Вэнь искоса взглянул на рыдающую на полу женщину. Где-то в глубине его души шевельнулась жалость — он действительно был к ней привязан. Но здравый смысл быстро взял верх: своя шкура дороже. Если его казнят за измену, мертвецу не понадобятся никакие красавицы.

Прочитав эти трусливые мысли, Хан Сиэнь усмехнулся:

— Но раз уж вы сами признаете за собой упущение, то проведете ближайшие дни под стражей. Я действительно не вправе вершить ваш суд, однако мои гвардейцы с радостью доставят вас в столицу. Там вы сможете лично поведать Его Величеству о своей доверчивости.

Чжао Вэнь побледнел и шагнул вперед:

— Наследник Хан, что это значит? Я же ясно сказал: мерзавка понесла от другого! Самое большее, в чем меня можно упрекнуть — это в слабом надзоре за челядью!..

— И как же вы намерены с ней поступить? — с мягкой улыбкой перебил его Хан Сиэнь.

Чжао Вэнь на секунду заколебался, но тут же задушил в себе последние остатки жалости и холодно отчеканил:

— Она — купленная рабыня в моем доме. Моя власть над ней безгранична. Забью насмерть, и дело с концом.

От этих жестоких слов в зале воцарился могильный холод. Несчастная женщина застыла, не веря собственным ушам. Ее мир рухнул окончательно. Дрожащая, словно осенний лист, она беззвучно глотала слезы. Бай Шу едва заметно нахмурился, но смолчал, вопросительно взглянув на Хан Сиэня.

После долгого молчания Хан Сиэнь пристально посмотрел Чжао Вэню в глаза:

— Господин Чжао, такая юная красавица делила с вами ложе столько времени. Неужели ваше сердце совсем очерствело, раз вы с такой легкостью обрекаете ее на смерть?

Чжао Вэнь попытался вставить слово, но Хан Сиэнь поднялся и неторопливо прошелся по залу. На его губах играла едва заметная ядовитая усмешка.

— Впрочем, господин Чжао, вы ведь уже в весьма почтенных летах. Юная дева рядом с вами и так сгубила свою молодость, но она, в отличие от прочих ваших служанок, носит под сердцем вашу плоть и кровь. Стоит признать, вы еще полны юношеского задора.

Чжао Вэнь не понимал, к чему клонит этот непредсказуемый юноша, но отступить ему было некуда. Приходилось стоять на своем до конца.

В самой столице наложница-чужестранка у высокопоставленного вельможи никого бы не удивила. В пору расцвета Великой Чжоу послы сопредельных государств частенько преподносили в дар Сыну Неба редких красавиц. Государь из вежливости принимал

подношения, а затем щедро раздаривал их своим приближенным. И даже если отношения между державами со временем портились, никто не отправлял этих женщин на плаху.

Но Чжао Вэнь занимал совершенно особое положение. Он был генерал-губернатором Сицзяна, наместником мятежного приграничья. В то время как тучи над рубежами сгустились до предела, а война с Сижунем казалась неизбежной, держать у себя дома вражескую лазутчицу, да еще и позволить ей понести — это было вопиющим безрассудством, граничащим с предательством.

Узнай об этом Император — пощады бы не было. Именно поэтому Чжао Вэнь так отчаянно пытался сделать козлом отпущения несчастную женщину, наотрез отказываясь признавать свою вину.

Хан Сиэню надоело тратить время на пустые препирательства. Он сухо бросил гвардейцам:

— Бросьте его в темницу. Как только представится случай, отправим этого господина в столицу, под ясны очи Его Величества.

— Хан Сиэнь! Я же все объяснил! Что еще тебе от меня нужно?! — истошно взывал Чжао Вэнь.

Хан Сиэнь смерил его пренебрежительным взглядом:

— Я ничего не хочу, господин генерал-губернатор. Лишь провожаю вас в последний путь. Признаться, на своем веку я повидал немало людей: и искусных лжецов, и краснобаев. Но столь бесстыжего и омерзительного в своей лицемерии подлеца встречаю впервые.

К слову, каждый раз, когда Хан Сиэнь с подчеркнутой вежливостью именовал собеседника «господином генерал-губернатором», это означало лишь одно: его терпение было на исходе.

Закончив говорить, юноша едва заметно кивнул стражникам. Те навалились на Чжао Вэня и поволокли его к выходу.

Он пытался что-то кричать, но ему грубо зажали рот ладонью. Все, что ему оставалось — это беспомощно мычать и извиваться в железной хватке конвоиров.

Когда суматоха наконец утихла, в просторном зале остались лишь столичные гости и застывшая на полу сижунка, которая, казалось, окончательно потеряла связь с реальностью.

Хан Сиэнь подошел ближе и посмотрел на несчастную. Голос его прозвучал тихо, но в нем слышался глубокий, затаенный смысл:

— Самое горькое в этой жизни — вовсе не подневольная доля. Куда страшнее довериться не

тому человеку. Отдать свое сердце тому, кто растопчет его ради спасения собственной шкуры — вот истинная трагедия.

Женщина вздрогнула всем телом, но не подняла головы, безмолвно припав к холодному полу.

Окружающие сочли эти слова обычной философией, но Бай Шу внезапно замер. В его груди что-то болезненно екнуло. Он невольно бросил на Хан Сиэня быстрый взгляд, вспомнив, как в бреду, когда его лихорадило, тот шептал чье-то чужое имя.

Бай Шу до сих пор помнил это имя. Помнил и тон, каким оно было произнесено — хриплый, полный затаенной обиды и горечи. Чувство, которое рождает подобные интонации, врезается в память до гробовой доски.

От этих мыслей Бай Шу внезапно охватила глухая, удушливая ревность. Ему безумно захотелось выхватить клинок и изрубить в капусту любого, кто встанет на пути.

Хан Сиэнь, услышав этот яростный мысленный порыв своего телохранителя, на мгновение опешил. Покачав головой, он жестом велел увести несчастную сижунку, а затем повернулся к пятому принцу:

— Ваше Высочество, раз уж господин Чжао отправляется в столицу замаливать грехи перед тронном, почему бы нам не воспользоваться случаем и не перевернуть здесь всё вверх дном? Кто знает, какие еще сюрпризы таит резиденция генерал-губернатора.

Цзи Хуай от такой прямооты почувствовал себя крайне неловко. Он приоткрыл рот, но так и не нашелся, что ответить.

«Замаливать грехи перед тронном? Только этот сумасшедший мог с такой легкостью приговорить наместника целой провинции!»

Заметив колебания принца, Хан Сиэнь не стал давить. Он лишь коротко рассмеялся и громко скомандовал гвардейцам:

— Обыскать здесь каждый угол! Если найдем что-то стоящее, я лично походатайствую перед Его Величеством о вашей награде.

При этих словах у столичных стражников загорелись глаза. Каждый из них помнил пример Гао Фэна, который после нескольких поручений Наследника взлетел по службе с невероятной быстротой. Возможность повторить его успех кружила голову, и гвардейцы с воодушевлением принялись за работу.

Как и следовало ожидать, генерал-губернатор приграничных земель не отличался кристальной честностью. В его тайных хранилищах гвардейцы без труда обнаружили горы серебра и

сундуки, доверху набитые диковинными вещами, сработанными сижунскими мастерами.

Судя по всему, немалая часть этих богатств предназначалась лишь для того, чтобы порадовать заморскую фаворитку.

Хан Сиэнь небрежно зачерпнул горсть тяжелых серебряных слитков и со звоном бросил их обратно в сундук.

«Что ж, теперь Его Величеству точно не придется ломать голову, где изыскать средства на жалованье пограничной армии».

Воспользовавшись суматохой, Бай Шу огляделся по сторонам и бесшумно скользнул к Хан Сиэню.

— Хан Сиэнь, — тихо позвал он, заглядывая в бездонные глаза юноши. — Ты и впрямь... так сильно мне доверяешь?

Этот вопрос, зародившийся в его душе еще тогда, когда Хан Сиэнь отстаивал его перед пятым принцем, не давал ему покоя ни на минуту. И теперь, оставшись наедине в полутемном углу, он наконец решился сорвать его с губ.

<http://bllate.org/book/20088/2002081>